

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АФАНАСЬЕВСКИЙ СБОРНИК

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Барнаул
2010

вание ямного населения к востоку от Приуральских степей, нет. Однако есть разрозненные факты, подтверждающие вероятность их миграции через территорию Казахстана, являясь ещё одним аргументом в пользу обоснования миграционной теории происхождения «афанасьевских» памятников. На наш взгляд, невозможно найти какой-то единый центр, ставший отправной точкой движения восточноевропейских скотоводов. Поскольку практически все элементы «афанасьевской» культуры находят близкие аналогии на восточной окраине Европы, но не в комплексе, а разрозненно в памятниках, относящихся к различным территориальным и хронологическим срезам «ямной» культурной общности (Подольский М.Л., 1999, с. 8), к тому же на всем своем пути «ямные» группы испытывали инокультурное влияние. Скорее всего, формирование афанасьевской культуры связано также и с последующими миграционными волнами, в которых участвовали представители катакомбного населения, но эта гипотеза требует дальнейшего всестороннего изучения. На территории Восточного Казахстана известно пока только два погребения афанасьевской культуры в могильнике Черновая II (Оразбаев А.М., Омаров Г., 1998, с. 27–29, рис. 18–20), что говорит о перспективности поиска здесь памятников раннего бронзового века. В дальнейшем, возможно, удастся на конкретном материале более точно определить пути проникновения первых европеоидов по долинам горных рек в Западную Монголию и Синьцзян, а так же уточнить пути продвижения населения «ямного» типа.

А.В. Поляков

ПАМЯТНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ ОЗЕРА ИТКОЛЬ (РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ)¹

Последние несколько лет (2007–2010 гг.) 3-м отрядом Среднееннисейской экспедиции ИИМК РАН проводились исследования археологических памятников эпохи бронзы на северном берегу оз. Итколь (Ширинский район Республики Хакасия). В том числе были обнаружены и частично исследованы несколько объектов, относящихся к афанасьевской культуре. Это пять курганов могильника Итколь II и культурный слой стоянки Итколь III, где вскрыто 172 кв. м. Указанные памятники находятся на одной площадке и непосредственно взаимосвязаны. Предварительные данные были опубликованы (Поляков А.В., Степанова Н.Ф., 2009).

Могильник Итколь II расположен на левом берегу безымянной протоки, вытекающей из оз. Тушино, которое в своё время, видимо, было частью оз. Итколь (рис. 1). Выявлено 43 кургана различных археологических культур, начиная с эпохи энеолита и заканчивая позднекифским временем (рис. 2). Можно предполагать, что общее число курганов несколько больше, чем удалось зафиксировать визуальным осмотром. В данной статье будут отражены только те материалы этого памятника, которые имеют отношение к афанасьевской культуре.

Курган 14. Это сооружение имеет сложную историю. Первоначально был возведён традиционный по внешнему облику курган афанасьевской культуры. Круглая ограда диаметром 9 м была сложена из горизонтально лежащих плит песчаника. В восточной части она сохранилась на высоту до 11 слоёв (0,4 м). Плиты были выровнены по внешнему краю. В более позднее время, когда афанасьевская ограда уже была частично разрушена, представители окуневской культуры повторно использовали её для возведения собственного кургана. При этом вокруг афанасьевского кольца была построена квадратная ограда из вертикально вкопанных плит, а центральное погребение полностью уничтожено. Аналогичная ситуация была зафиксирована при раскопках кургана 3 могильника Пистах (Подольский М.Л., 1997, с. 113–122). Однако тогда М.Л. Подольскому не удалось выявить каких-либо других следов афанасьевского погребения, кроме самой ограды. В случае с курганом 14 могильника Итколь II есть ещё одно доказательство, что первоначально курган представлял собой захоронение именно афанасьевского времени. Вдоль северной части внутри кольца, было собрано несколько крупных фрагментов от одного афанасьевского сосуда (рис. 8-1). Их размер и характер залегания исключают возможность происхождения из поселенческого комплекса. Можно уверенно утверждать, что это часть сосуда, выброшенного из центрального погребения кургана 14 при его переустройстве. Других материалов афанасьевского времени в этом кургане не обнаружено.

Курган 23. Округлая ограда сложена из каменных блоков и плитняка. Её диаметр по внешнему краю составляет 8,5–9 м (рис. 3). Частично сохранился только нижний ряд блоков, который позволил проследить конструкцию ограды. Она представляла собой стенку шириной около 0,7 м. Её высота не реконструируется. Внешний и внутренний края этой стенки сложены из более крупных камней, причём выравнивание производилось только по внешней стороне. Центральная часть стенки закладывалась мелким камнем. Сохранившаяся высота земляной насыпи составляла около 0,1 м. Размеры надмогильного сооружения были незначительными, и возведено оно было без использования камня. На площади кургана находилось две могилы.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Афанасьевская культура Горного Алтая и Среднего Енисея» №09-01-00384а.

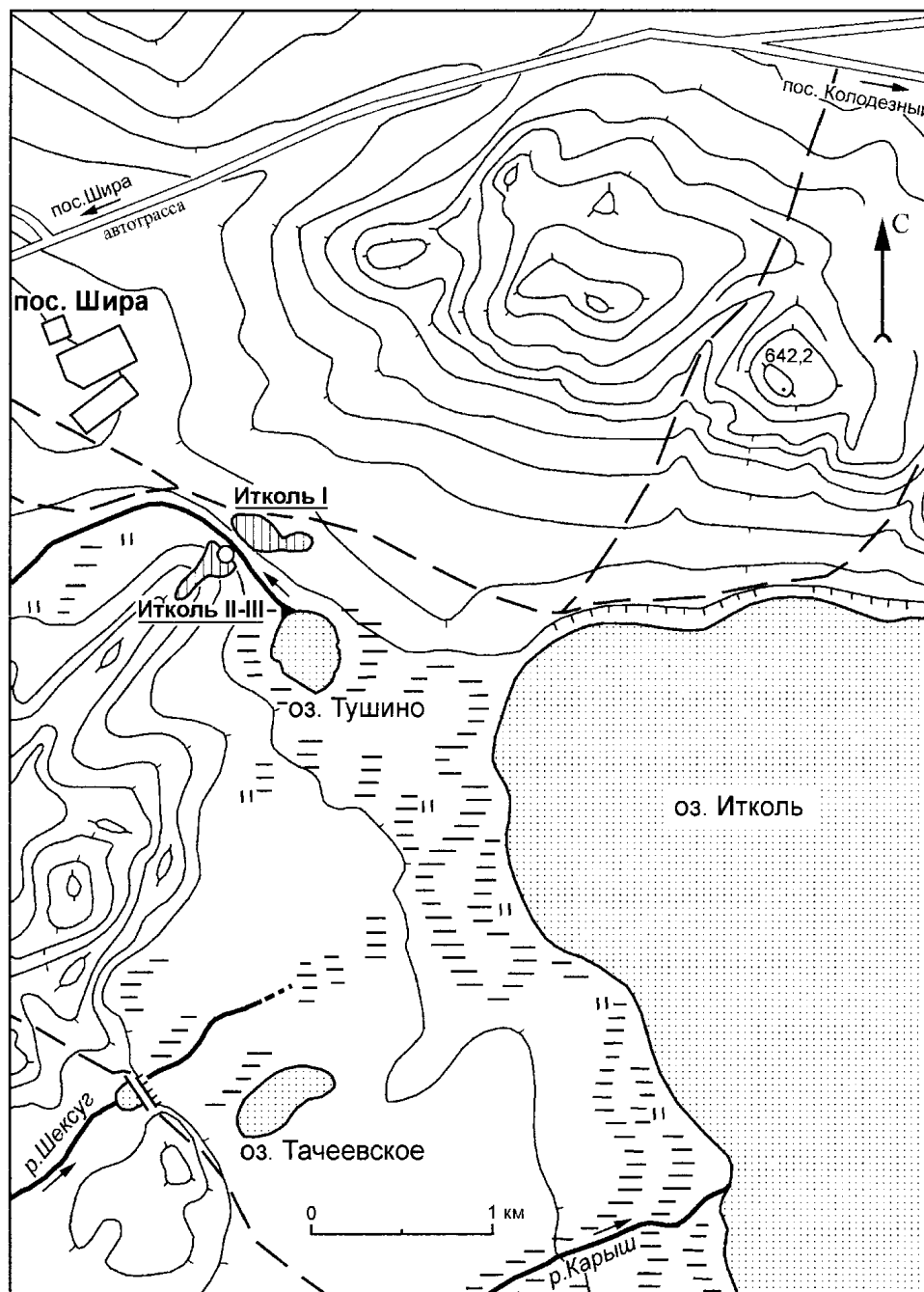

Рис. 1. Карта с указанием географического местоположения археологических памятников Итколь I–III (Ширинский район Республики Хакасия)

Могила 1. Основное захоронение, расположенное в центре ограды. Внешних признаков на уровне погребённой почвы не имело. Могила – грунтовая яма размерами 2,05x1,6 м и глубиной 0,95 м, ориентированная длинной осью по линии СВ–ЮЗ (рис. 6-1). На уровне погребённой почвы по периметру могилы, а также в её заполнении, наблюдались отдельные небольшие плохо сохранившиеся деревянные щепки, размещение которых не удалось зафиксировать. Вероятно, это остатки продольного деревянного перекрытия над могилой. На основе этой щепы была получена радиоуглеродная дата – 4170 ± 35 (Ле-8912).

В заполнении на разных уровнях встречались отдельные кости человека, которые были перемещены при ограблении могилы (возможно, неоднократно). На дне могилы «in situ» находились кости правой стопы и правой руки ниже локтя (локтевая, лучевая, кисть). На основании их размещения, можно предполагать, что погребённый был уложен на дне могилы головой в юго-западном направлении. Саму позу погребённого точно реконструировать не удалось. Однако, на основании положения стопы (пальцы находились один над другим, то есть стопа лежала на боку) можно полагать, что эта поза была либо «на правом боку», либо, как в случае с могилой 2, «на правом боку вполоборота». Кости стопы, находившиеся на дне могилы, покрыты охрой.

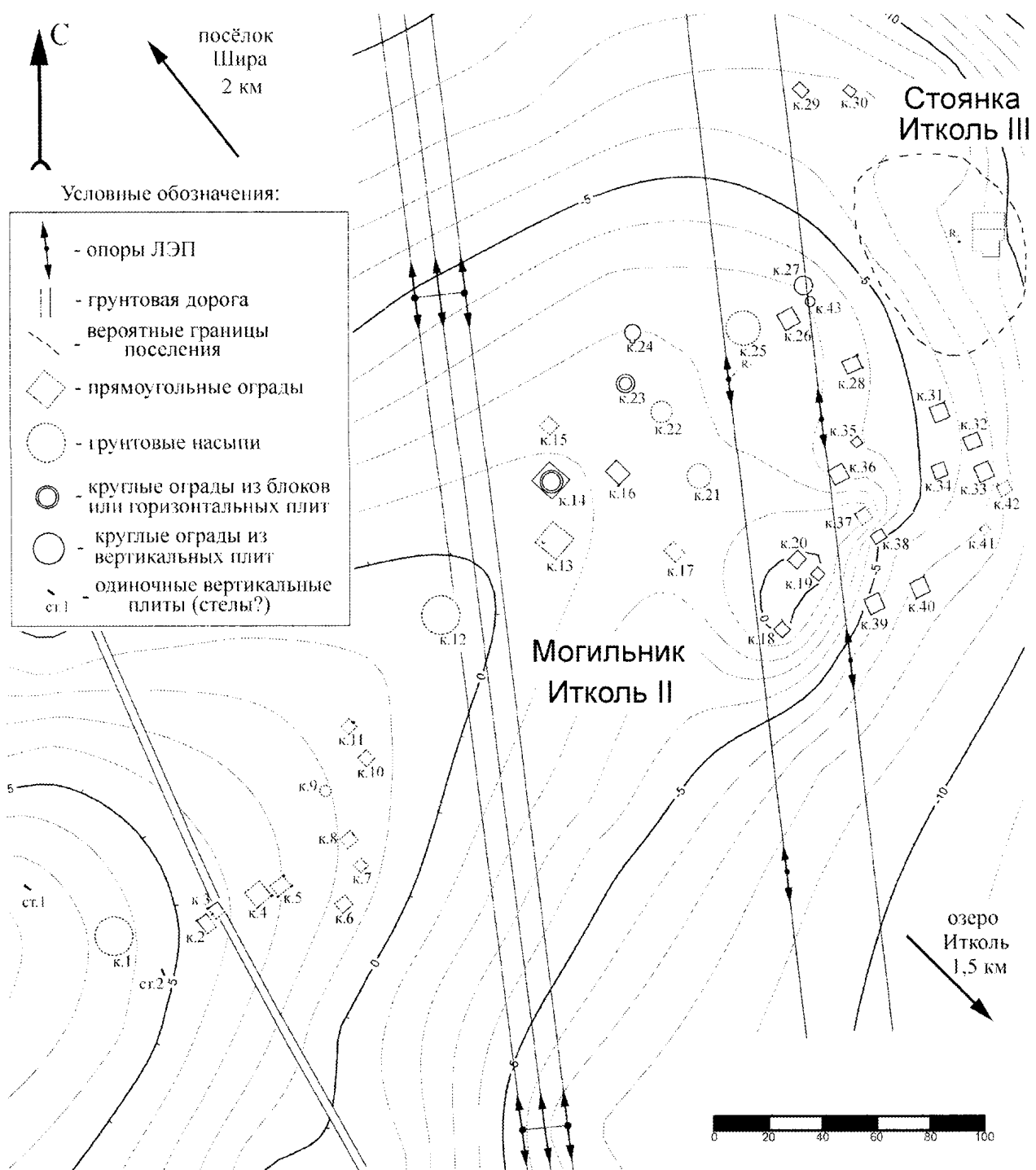

Рис. 2. План могильника Итколь II и вероятные границы стоянки Итколь III

Все кости, которые были обнаружены, как на дне, так и в заполнении могилы, принадлежат одному индивидууму (все антропологические определения выполнены Н.И. Лазаретовой). Это взрослый человек примерно 40–55 лет, предположительно женского пола. Точные данные получить не возможно, в виду фрагментарности имеющих материалов. Отсутствуют череп и таз, эпифизы длинных костей сильно повреждены. Специалистом был отмечен очень сильный артроз коленных суставов и левого локтевого. На правом локтевом суставе подобных изменений не обнаружено. Данное явление (артроз только левого локтевого сустава) может носить компенсационный характер, и возникать, например, при использовании палки при ходьбе для снижения нагрузки на колени.

В восточном углу могилы на первоначальном месте находились два керамических сосуда, венчики которых были частично «срублены» грабителями. Более крупный имеет остродонную форму (рис. 8-2). По тулову он орнаментирован двумя различными способами: гребенчатым штампом выполнено шагание с прокатыванием (качалка), и протаскиванием незубчатого инструмента нанесен орнамент в виде «ёлочки» вершиной вниз. Меньший сосуд первоначально был изготовлен остродонным, но затем с внешней стороны доньшка был сделан дополни-

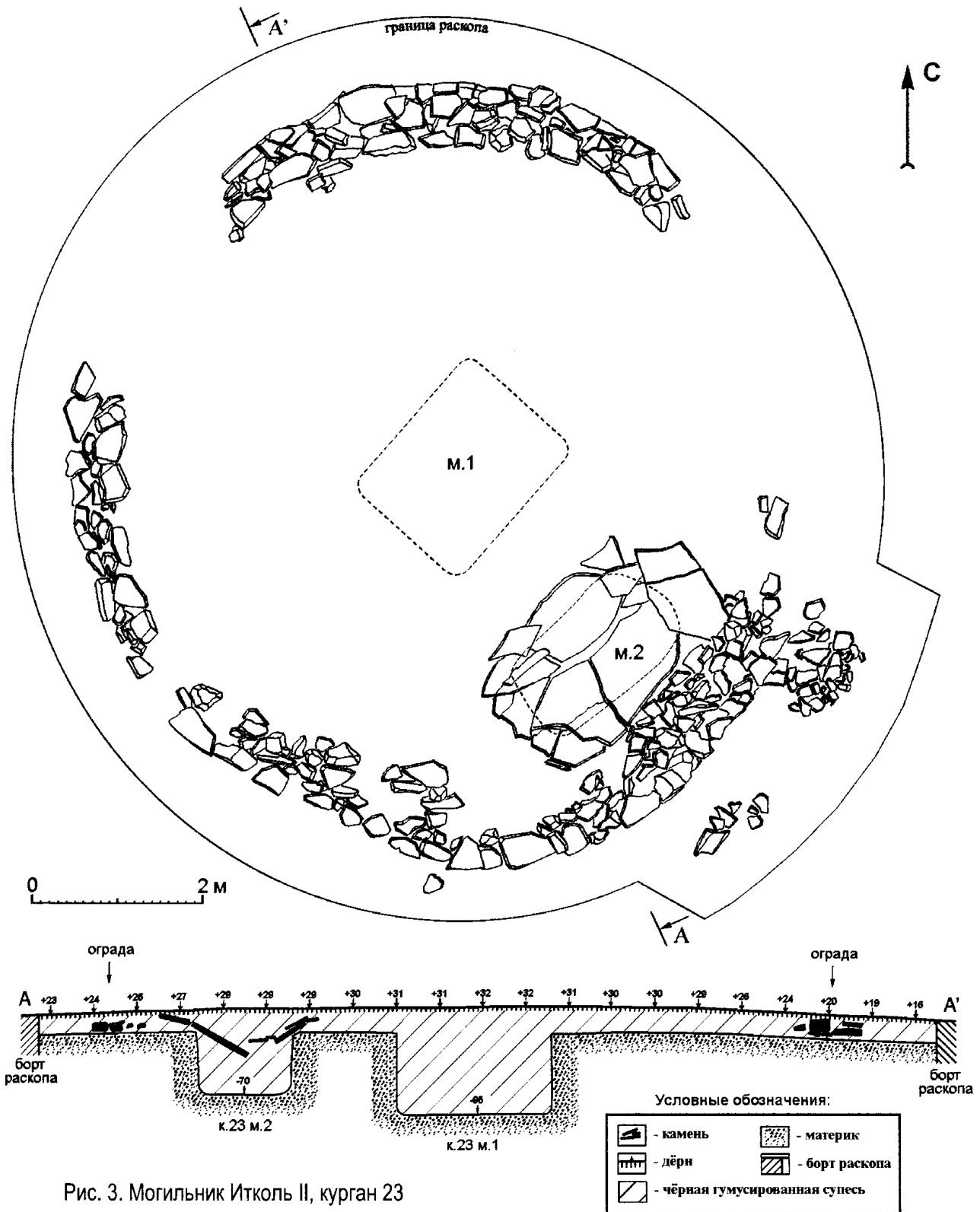

Рис. 3. Могильник Итколь II, курган 23

тельный налп, и получилось маленькое уплощённое дно (рис. 8-3). Орнамент в виде вертикального зигзага нанесен по всему тулову оттиками гладкого штампа. Венчики обоих сосудов орнаментированы косо́й сеткой. Других артефактов в могиле обнаружено не было.

Могилa 2. Погребение расположено между центральной могилой 1 и юго-восточной стенкой ограда, вплотную к последней. Первоначально оно было перекрыто одной тонкой плитой песчаника (2x1,6 м), которая почти целиком покрывала могилу. Только в северо-восточной части («в ногах») она была дополнена несколькими небольшими плитами. Со временем эта большая плита раскололась на несколько частей и просела в могилу. Однако все разрушения перекрытия носили исключительно естественный характер. Погребение не потревожено.

Могилa представляет собой прямоугольную грунтовую яму со скруглёнными углами, ориентированную по линии СВ-ЮЗ (рис. 6-2). Её средние размеры 2,0x1,15 м, а глубина – 0,7 м. На дне могилы не потревоженное по-

гребение подростка 12–15 лет, возможно, мужского пола. Отдельные небольшие кости (пальцы, рёбра, позвонки) были смещены мелкими грызунами. Костяк располагался вдоль длинной северо-западной стенки несколько ближе к ней, головой на юго-запад.

Отдельно необходимо остановиться на положении костяка в могиле. Традиционные термины «на спине» или «на боку» здесь не уместны. Наблюдалось положение, которое можно охарактеризовать, как «на боку влоборота». Костяк вытянут, ноги слабо согнуты и лежат коленями в правую сторону. Правая рука вытянута вдоль тела на дне могилы, а левая лежит кистью на костях таза. При этом с одной стороны череп и ступни лежат на правом боку, левая рука кистью поверх таза, с другой левые рёбра не перекрывают позвоночник, таз лежит почти горизонтально. Данное положение тела не является следствием естественных процессов протекающих после погребения (например, завала). Оно придавалось явно намеренно, вероятно, с помощью подушек из органического материала, на которые тело опиралось. Аналогичная погребальная поза очень часто фиксируется для погребений «классического» этапа карасукской культуры (Лазаретов И.П., 1995; Поляков А.В., 2009), но для захоронений эпохи энеолита редка.

В могиле находился один керамический сосуд, располагавшийся напротив пояса погребённого у юго-восточной стенки могилы (рис. 8-4). Он остродонной формы с орнаментацией по всему тулову, нанесённой зубчатым штампом шаганием с прокатыванием (качалка). По венчику косая сетка, нанесённая тем же штампом. Других артефактов в погребении не обнаружено.

Курган 24. Круглая ограда из вертикально вкопанных плит песчаника диаметром около 7 м (рис. 4). В её южной части сделана прямоугольная вставка, напоминающая пристройку. Однако специальное исследование (зачистка по материке) показало, что ограда не перестроена (канавки отсутствуют), а была возведена с этим выступом изначально. В одном месте удалось обнаружить упавшие наружу верхние края одной из плит ограды. Реконструкция позволила установить, что высота стенок ограды над уровнем древней степи составляла около 0,5 м. Внутри ограды по периметру была зафиксирована «дорожка» шириной около 1 м из положенных в 1–2 слоя плит. Эта «дорожка» также была выровнена по внешнему краю с отступом в 0,3–0,4 м от ограды. В разрезе хорошо фиксируется, что над могилой в центре кургана была сделана небольшая насыпь из светло-серой материковой супеси, которая своими краями упиралась в эту «дорожку». Её можно трактовать, как обрамление надмогильного сооружения.

В описанном выше выступе ограды была прослежена неглубокая ямка диаметром 0,35 м и глубиной около 0,4 м. К сожалению, никаких оснований для её интерпретации нет. Это могла быть как детская могила, кости в которой полностью истлели, а инвентаря не было, так и какое-то ритуальное сооружение. Ещё одно сооружение неясного назначения находилось за восточной стенкой ограды вплотную к ней. Была зафиксирована яма вытянутая вдоль ограды, и примыкающая к ней вплотную. Её размеры ориентировочно 2,4x1,4 м, а глубина примерно 0,6 м. Очень крупная плита ограды, к которой это сооружение примыкало, была закопана на эту же глубину и оформляла собой стенку ямы. Сверху яма была перекрыта в несколько слоёв довольно крупными, но тонкими плитами песчаника. Причём полное отсутствие их просада предполагает, что яма была намеренно засыпана. Какие-либо следы погребения отсутствуют. В заполнении ямы был обнаружен единственный артефакт – кусок рога оленя, вероятно, использовавшийся для рыхления грунта. Носит это сооружение технический или ритуальный характер, осталось неясно.

Могилы 1. В центре кургана было обнаружено погребение, совершённое в грунтовой яме подпрямоугольной формы со скруглёнными углами ориентированной по линии запад-восток (рис. 7-1). Её размеры 2,65x2 м, а глубина примерно 0,85 м. Сверху яма была перекрыта массивными плитами песчаника, которые опирались на продольное деревянное перекрытие, фиксирующееся в виде отдельных крайне незначительных щепок. Могила была ограблена. В заполнении на разных уровнях были обнаружены череп и верхняя часть посткраниального скелета взрослого человека перемещённые грабителями. Кроме того, возле северной стенки могилы на высоте примерно 0,3 м от дна была найдена очень массивная медная обкладка деревянного сосуда, орнаментированная пуансонным орнаментом и насечками по краю (рис. 9-1). Судя по гвоздикам и сохранившимся фрагментам дерева, толщина его стенок была около 1 см. В одном месте обкладка огибала приостранный край сосуда (венчик или слив). Можно полагать, что это была деревянная чаша или миска.

На дне могилы в положении «in situ» находились ноги погребённого (бедренные, большие и малые берцовые, кости стоп), судя по которым он был помещён в могилу головой на запад. Первоначальное положение тела достоверно установить не возможно, но наиболее вероятным представляется – на правом боку влоборота. На основании определений антрополога, все кости обнаруженные в погребении принадлежат одному человеку, предположительно женщине 40–50 лет. В ногах у погребённого, в северо-восточном и юго-восточном углах могилы, стояло по одному керамическому сосуду. Сосуд А имеет шаровидную форму тулова, отогнутый венчик, а всё тулово покрыто расчёсами (рис. 8-5). Сосуд Б – имеет остродонную форму, а по тулову орнаментирован вертикальными зигзагами, нанесёнными оттисками гладкого штампа (рис. 8-6). Кроме того, между ними обнаружена ещё одна не менее массивная

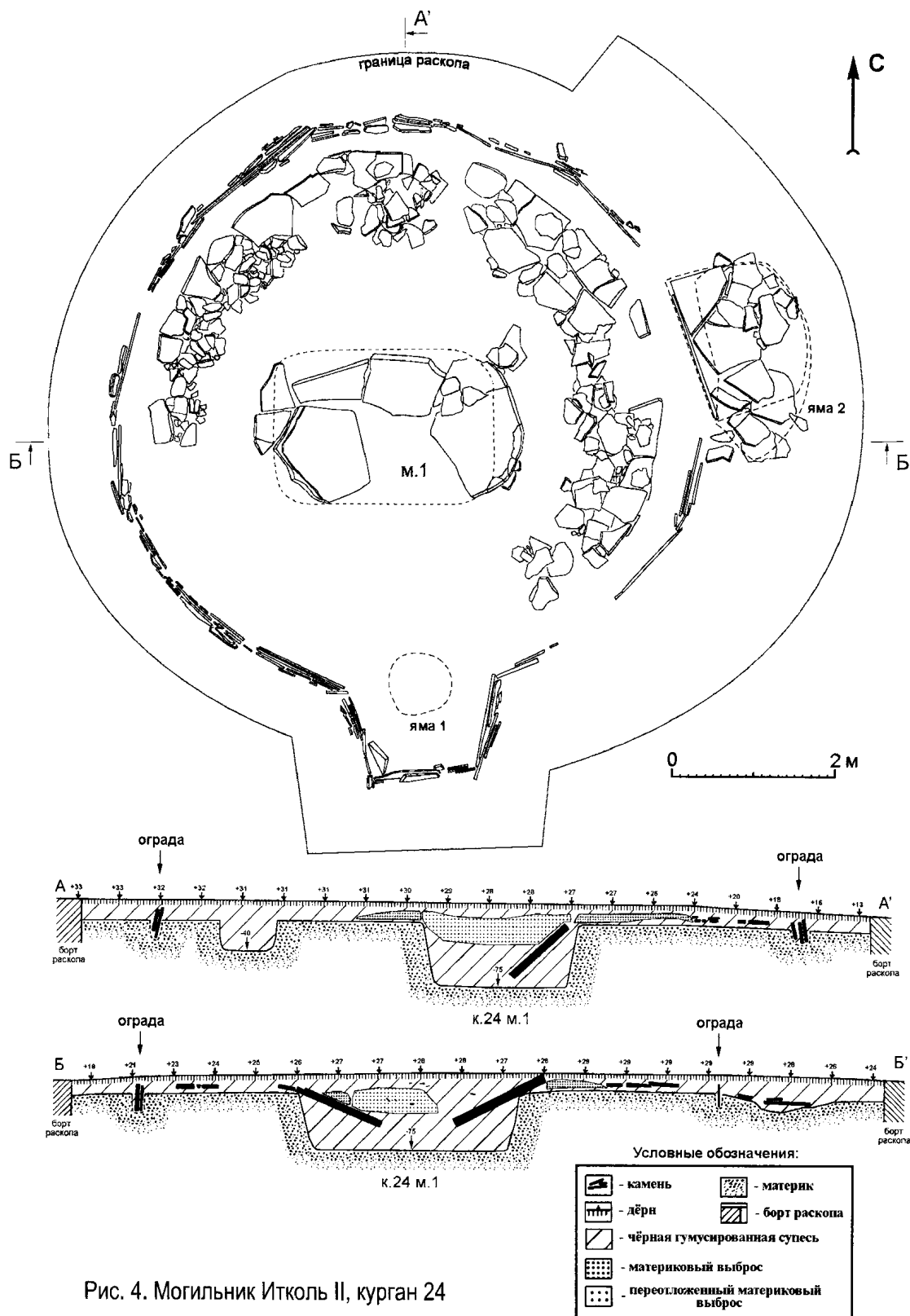

Рис. 4. Могильник Итколь II, курган 24

медная обкладка деревянного сосуда, тоже оформленная насечками по краю (рис. 9-2). Установить точно относятся обе найденные обкладки к одному или к разным сосудам не представляется возможным.

Курган 27. Круглая ограда из вертикально вкопанных плит песчаника диаметром 7,2 м (рис. 5). В центре сплошной каменный панцирь из плит различного размера. Наиболее крупные камни составляли крепиду по его периметру диаметром 6,2 м. Погребения данного кургана представлены четырьмя могилами. Две из них (могила 1 и могила 2) находились под панцирем каменного перекрытия внутри ограды, а ещё две (могила 3 и могила 4) – за пределами ограды с юго-восточной стороны, «в ногах», по отношению к погребению в центральной могиле.

Могила 1. Грунтовая яма, размерами 1,75x1,55 м и глубиной 0,8 м от уровня погребённой почвы, расположена по центру ограды (рис. 7-2). Ориентирована могила по оси СЗ–ЮВ. В заполнении были прослежены от-

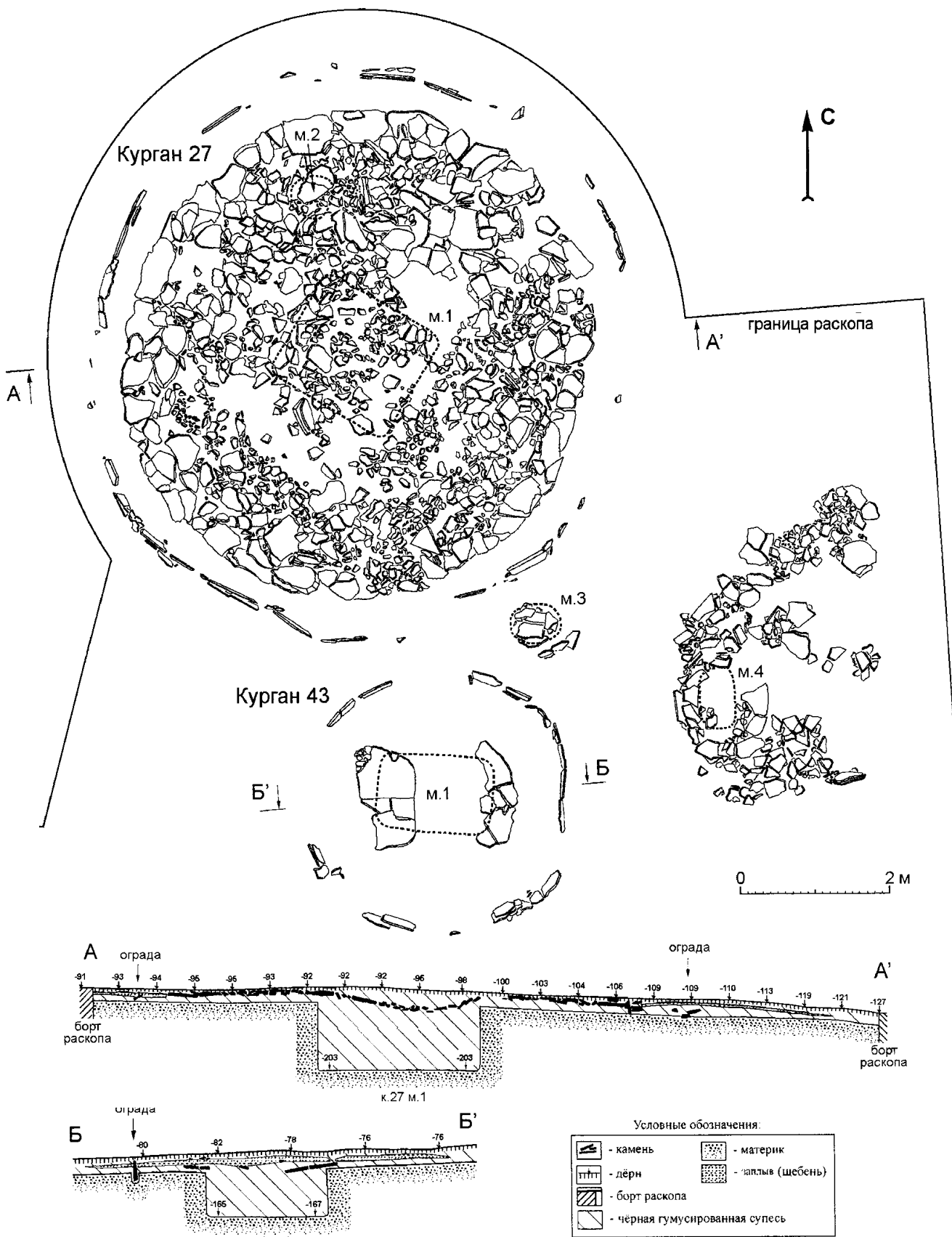

Рис. 5. Могильник Итколь II, курганы 27 и 43

дельные фрагменты деревянного перекрытия, которые в виду их плохой сохранности не удалось зафиксировать (щепы). Вероятно, могила была перекрыта продольным накатом из брёвен. На основе этой щепы была получена радиоуглеродная дата – 4170 ± 30 (Ле-8517).

В заполнении погребения находились перемещённые кости двух человек. На дне в положении «in situ» были найдены голени и ступни тех же двух индивидуумов. Вероятно, они были погребены в положении на левом боку,

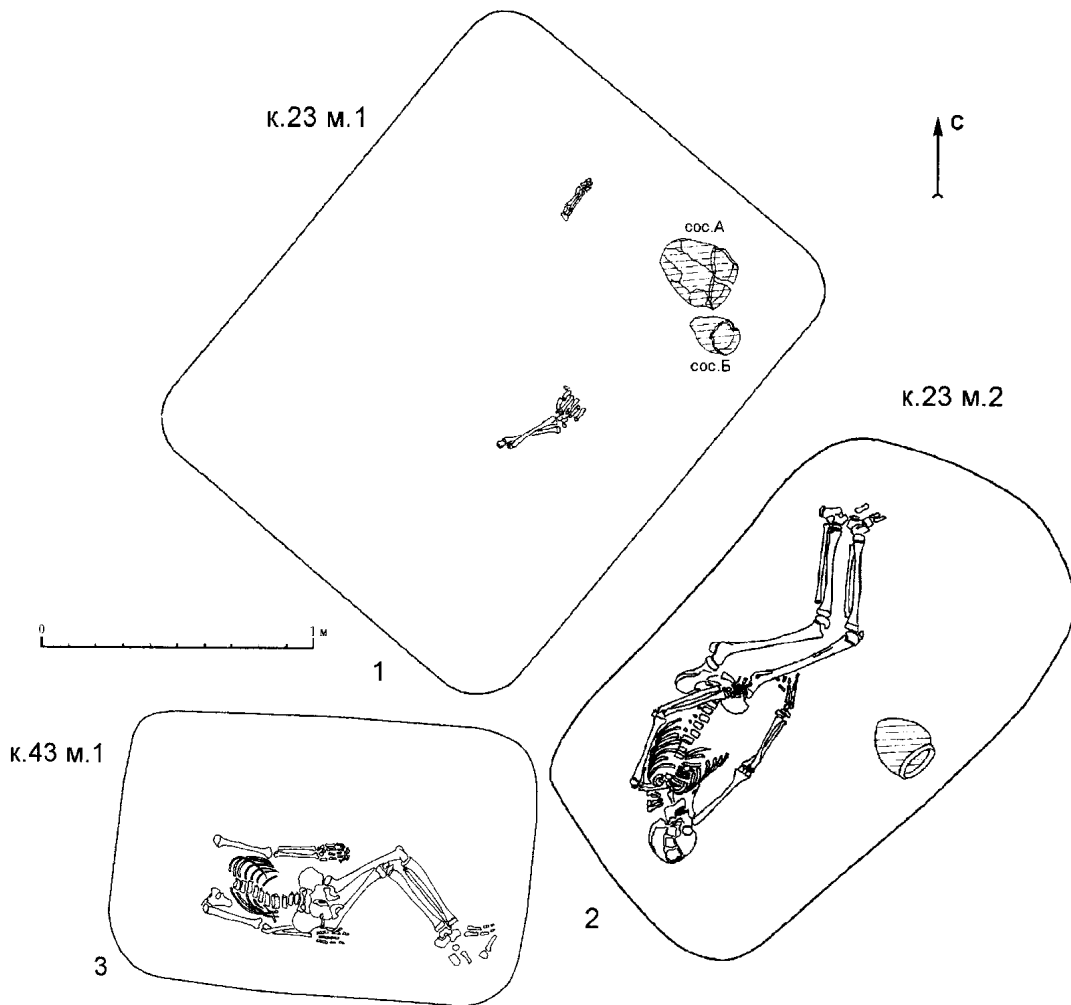

Рис. 6. Могильник Итколь II, курган 23, могилы 1–2 и курган 43, могила 1

головой в северо-западном направлении. Погребённые были примерно одного возраста – 15–18 лет. Ближе к южной стенке был положен юноша (скелет 1), а к северной, перед ним, девушка (скелет 2).

На дне могилы в восточном углу, на своём первоначальном месте обнаружен целый сосуд реповидной формы (рис. 8-7). В верхней части тулова он орнаментирован шестью линиями наклонных оттисков зубчатого штампа, а по венчику кривой сеткой. Возле юго-западной стенки могилы найден, предположительно, фрагмент венчика деревянного сосуда, обёрнутый медным листком (рис. 9-3).

Могила 2. К северу от основного погребения, внутри ограды, на расстоянии 0,7 м от угла могилы 1, под выкладкой была обнаружена грунтовая яма, заполненная камнями. Её размеры 0,7х0,7 м, глубина 0,25 м. Никаких следов погребения в ней не сохранилось. По всей видимости, это было безинвентарное погребение младенца, кости которого полностью истлели. Можно только отметить, что оно было сооружено одновременно с основной могилкой, и затем они были перекрыты единым каменным панцирем.

Могила 3. К юго-востоку от ограды, за её пределами, при зачистке поверхности были обнаружены плиты перекрытия небольшого детского погребения. Они сильно «просели», но погребение не было потревожено. Под плитами выявлена грунтовая яма размерами 0,6х0,5 м и глубиной 0,3 м. Она ориентирована по оси запад-восток. Никаких следов погребения в могиле не сохранилось. По всей видимости, это было безинвентарное погребение младенца, кости которого полностью истлели.

Могила 4. Погребение расположено за пределами ограды, к юго-востоку от неё. Зафиксировано аморфное скопление плит, под которыми находилась грунтовая яма, ориентированная по оси север-юг. Её размеры 0,8х0,45 м, глубина 0,3 м. В заполнении остатки длинных костей ребёнка около полугодка. Никаких артефактов в погребении не обнаружено.

Курган 43. До начала работ этот объект на поверхности современной степи никак не фиксировался. Он был выявлен, только в результате вскрытия пространства между курганами 27 и 26 (последний относится к окуневской культуре). Курган представляет собой ограду круглой формы диаметром 3,5 м из вертикально вкопан-

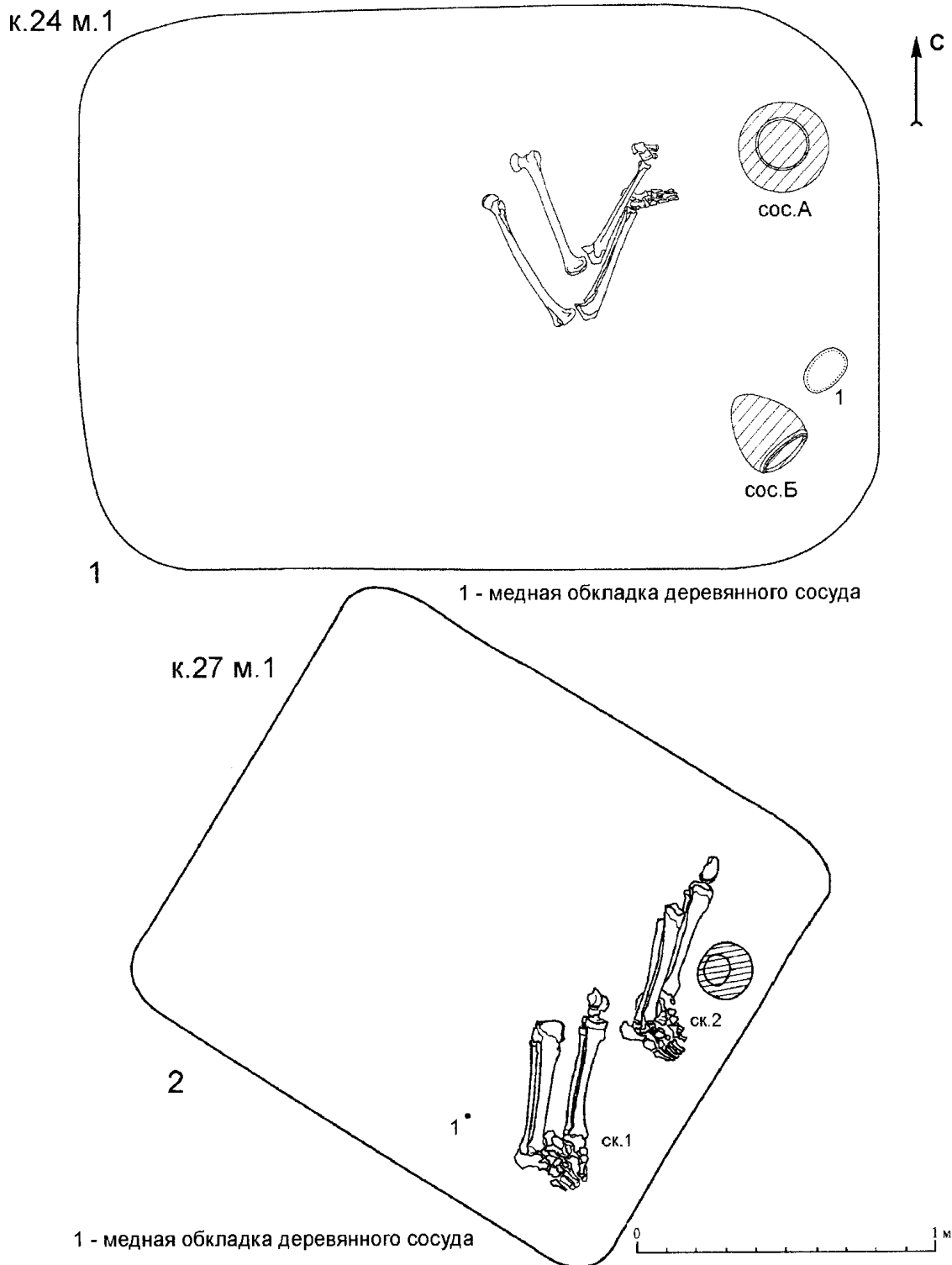

Рис. 7. Могильник Итколь II, курган 24, могила 1 и курган 27, могила 1

ных плит (рис. 5). Насыпь не фиксировалась. Вся площадь была перекрыта затёком из мелкого щебня, который, вероятно, был смыт со склона сопки.

Могила 1. Расположена по центру ограды. Первоначально она была перекрыта несколькими крупными плитами песчаника, лежащими поперёк могилы. На сегодняшний день сохранились только две крайние, расколовшиеся на части, плиты. Центральная часть перекрытия была уничтожена при ограблении. Погребение совершено в грунтовой яме, ориентированной по линии З–В (рис. 6-3). Её размеры 1,5x1 м, глубина 0,6 м. На дне, в положении «in situ», сохранился практически полный посткраниальный скелет ребёнка 8–10 лет. Его первоначальное положение в могиле: на левом боку вполоборота, головой на запад. В результате «завала на спину» правое крыло таза и проксимальный эпифиз бедренной кости оказались поверх правой руки. В районе груди зафиксирован небольшой кусочек охры. Череп в погребении отсутствовал. Никаких артефактов в могиле не обнаружено.

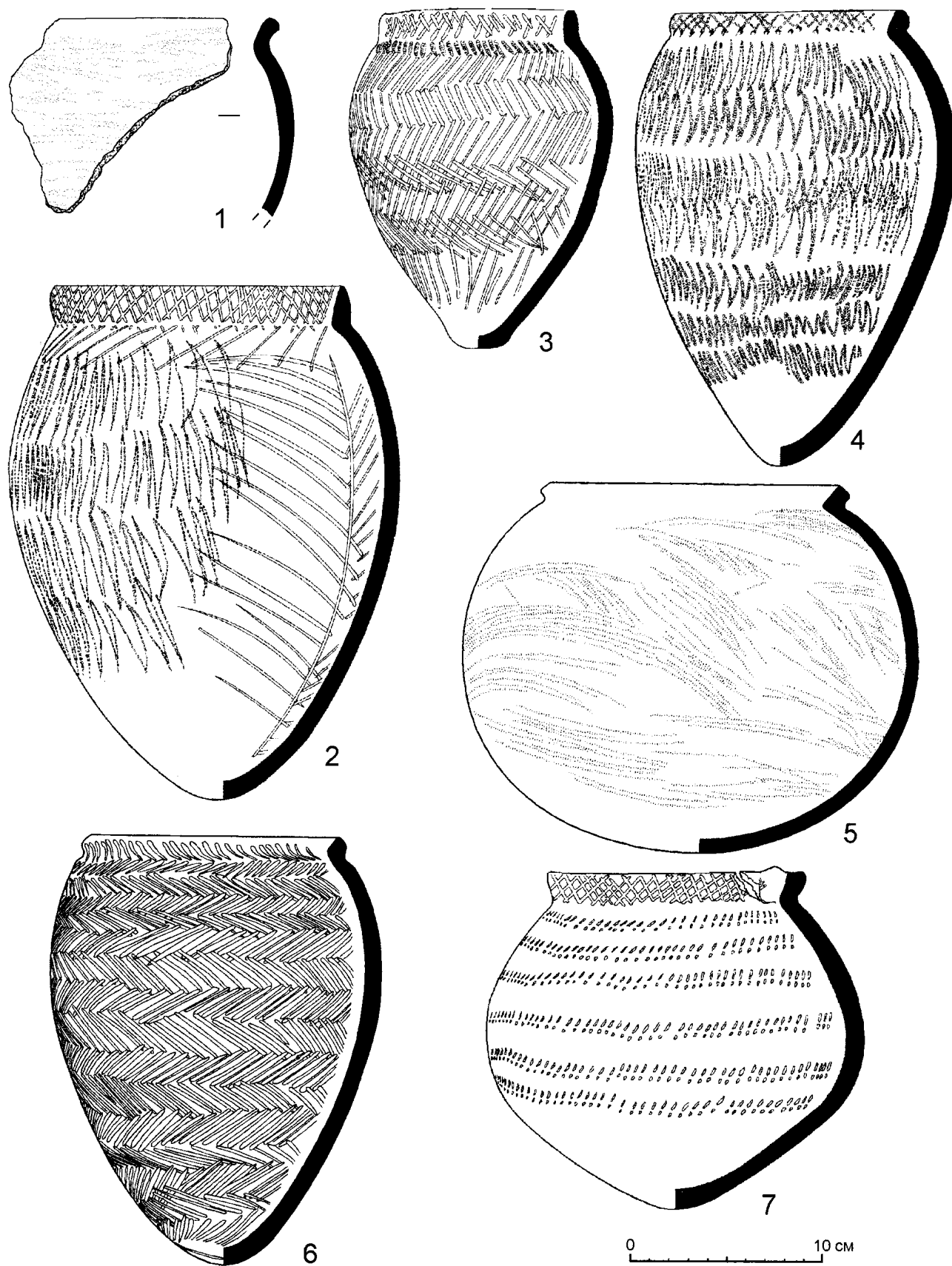

Рис. 8. Керамика из погребений могильника Итколь II: 1 – курган 14; 2, 3 – курган 23, могила 1; 4 – курган 23, могила 2; 5, 6 – курган 24, могила 1; 7 – курган 27, могила 1)

Общая характеристика материалов

Исследованные курганы обладают всем набором ключевых признаков, позволяющих относить данные захоронения к афанасьевской культуре Среднего Енисея, памятники которой довольно подробно описаны в научной литературе.

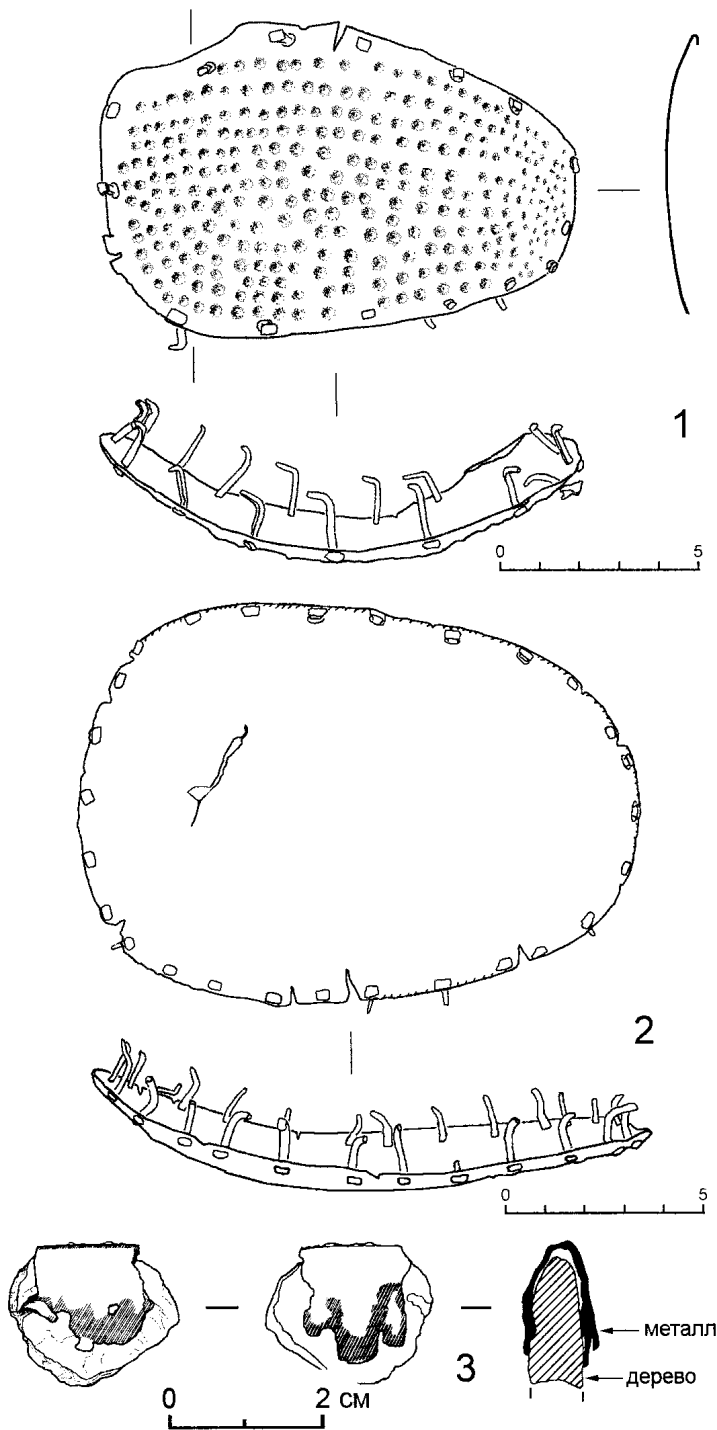

Рис. 9. Медные обкладки деревянных сосудов из погребений могильника Итколь II:
1, 2 – курган 23, могила 1; 3 – курган 27, могила 1)

туре, поэтому детально будут разобраны только отдельные наиболее интересные моменты, связанные с изучением данного могильника (Вадецкая Э.Б., 1986а, с. 15–26; Грязнов М.П., 1999).

В частности, удалось проследить относительную стратиграфию объектов разных эпох. Был заложен большой раскоп, который включал два кургана: 26 (окуневская культура) и 27 (афанасьевская культура). В результате на участке между ними было выявлено ещё два объекта, которые до этого не были видны. Один из них – миниатюрный курган афанасьевского времени, обозначенный номером 43, другой – поминальная площадка, примыкавшая с востока к кургану 26 окуневской культуры. Эти два объекта перекрывали друг друга. Плиты, огораживающие поминальную площадку, были вкопаны в уже существующую на тот момент насыпь афанасьевского кургана. Можно сделать вывод, что сооружались они последовательно с некоторым разрывом во времени, что совпадает с современными представлениями об относительной хронологии афанасьевской и окуневской культур.

Определённые выводы можно сделать, анализируя на примере кургана 27 взаимосвязь основного сооружения и детских могил. Погребения, находящиеся за оградой, расположены к юго-востоку от основного сооружения, причём могила 4 на довольно значительном расстоянии. Опираясь на не совсем стандартную ориентировку центральной могилы (СЗ–ЮВ), можно предположить, что в данном случае подразумевалось положение детских могил за оградой «в ногах», по отношению к основному погребению. Если бы не отдельная ограда, то и курган 43 можно было бы отнести к их числу.

Обращает на себя внимание разнообразие конструкций. В рамках одного могильника представлены ограды из вертикально вкопанных плит (курганы 24, 27 и 43), плит положенных плашмя (курган 14) и стенки из блоков (курган 23). В одном случае (курган 27) почти вся площадь сооружения в один слой вымощена камнем, в другом (курган 24) – таким же образом сделана только «дорожка» вокруг грунтовой насыпи. Перекрытие могил может быть в виде продольного наката из брёвен, из тонких плит песчаника или выполненное с использованием обоих этих материалов. Подобное разнообразие характерно для большинства могильников афанасьевской культуры, которые исследованы на Среднем Енисее.

Необходимо особо отметить крайне сложный вопрос о положении тела погребённого в могиле. К сожалению, в большинстве случаев он решается на основе давно сложившихся стереотипов. Для афанасьевской культуры подразумевается два возможных варианта: «на спине с поднятыми вверх коленями» или «на боку». Действительно значительная часть исследованных погребений соответствует этим клише, но, как показывают раскопки могильника Итколь II, возможны и иные варианты. Два хорошо сохранившихся погребения (к. 23, м. 2; к. 43, м. 1) не могут быть отнесены ни к одному из выше названных вариантов. В обоих случаях тела были размещены в

154

промежуточном положении, сочетающем часть признаков положения «на спине», и часть «на боку». Изучение чертежей позволяет обнаружить несколько очень похожих погребений и среди других раскопанных могильников (Грязнов М.П., 1999, рис. 4–2, 7; рис. 8–6). Пока это всего лишь наблюдения, на основании которых нельзя делать далеко идущих выводов, однако необходимо обратить более пристальное внимание на вопрос фиксации и определения положения тела погребённого в могиле.

В погребениях могильника обнаружено шесть целых сосудов (рис. 8-2–7). Пять из них имеют приострённое дно, но при этом различную степень раздутости тулова. В одном случае удалось зафиксировать интересную деталь. Сосуд первоначально был изготовлен остродонным, однако затем к его дну был прилеплен небольшой кусочек глины, который сформировал маленькое уплощённое донце (рис. 8-3). Форма венчика сосудов имеет схожие признаки. В шести случаях из семи венчик имеет прямой срез, и только в одном край сосуда приострён (рис. 8-2).

Интересно отметить, что, несмотря на некоторые индивидуальные отличия, просматривается общая орнаментальная схема. На венчиках четырёх сосудов нанесена косая сетка: в трёх случаях гладким (рис. 8-2, 3, 7) и один раз зубчатым штампом (рис. 8-4). Ниже, на шейке в трёх случаях из четырёх нанесён один ряд наклонных оттисков. Используемый при этом орнамент отличается от того, которым наносился орнамент на венчике и тулове. Например, на сосуде из могилы 2 кургана 23 все элементы выполнены зубчатым штампом (вероятно, одним), однако наклонные оттиски по шейке сделаны другим инструментом (рис. 8-4). На сосуде Б из могилы 1 кургана 23 аналогичная картина. Весь орнамент выполнен оттисками гладкого штампа, а одна линия наклонных оттисков на шейке сосуда – мелкозубчатым (рис. 8-3).

Тулово сосуда в верхней части равномерно покрывалось монотонным орнаментом. Это либо наклонные оттиски гладкого или зубчатого штампа, либо шагание с прокатыванием (качалка) зубчатого штампа. Особенно интересен сосуд, на тулове которого орнамент имеет горизонтальное, а не вертикальное, как принято, зонирование (рис. 8-2). На одной его половине орнамент нанесён зубчатым штампом – шагание с прокатыванием (качалка), а на другой резной орнамент в виде «ёлочки» вершиной вниз. Это крайне редкая композиция для керамики афанасьевской культуры Среднего Енисея.

Если попытаться сопоставить описанную выше схему орнаментации с материалами других могильников, то выяснится, что она встречается не часто. Наиболее близки два сосуда из раскопок могильника Сыда I (Грязнов М.П., 1999, рис. 19–6, 9). Обращает на себя внимание сочетание косой сетки по венчику и шагания с прокатыванием зубчатым штампом на тулове. В остальных случаях встречаются отдельные элементы этой схемы.

Кроме сосудов в могилах были найдены только медные обкладки деревянных сосудов (во всех трёх случаях обнаружены фрагменты дерева), крайне различающиеся своими размерами (рис. 9). В могиле 1 кургана 24 были обнаружены две обкладки, которые можно уверенно считать наиболее крупными из известных медных предметов афанасьевского времени. Одна из них чуть меньше по своим размерам и была покрыта по всей поверхности пуансонным орнаментом (рис. 9-1). Её отличает загнутый край, который, вероятно, огибал венчик или слив сосуда. На основании профиля этой обкладки можно предположить, что деревянный сосуд представлял собой сферическое блюдо или чашу. Вторая, более крупная обкладка из этой могилы, находилась на своём первоначальном месте (рис. 9-2). Она имеет множественные вмятины и повреждения по своей поверхности, а также значительную трещину. По всей видимости, эта обкладка покрывала дно сосуда, а повреждения были нанесены в процессе его продолжительной эксплуатации. Нельзя исключать, что обе обкладки относятся к одному сосуду.

Подобные изделия часто встречаются в погребениях афанасьевской культуры (Вадецкая Э.Б., 1986а, с. 19, табл. 2–7; Грязнов М.П., 1999, с. 49, рис. 6–8, 20, 21, 25). Учитывая, сколько полезных инструментов могло быть сделано из этой меди, невольно возникает вопрос о том, понимало ли население афанасьевской культуры всё значение этого металла? И правильно ли считать, что изготовление этих обкладок было вызвано необходимостью ремонта сосуда? Скорее просматриваются элементы престижности. Использование такого количества меди с целью ремонта деревянного сосуда выглядит совершенно не рациональным. Кроме того, одна из обкладок из кургана 24 (рис. 9-1) имеет трещину.

Химический анализ металла из кургана 27, проведённый С.В. Хавриным в лаборатории Государственного Эрмитажа, показал, что это чистая медь с незначительными естественными примесями.

Стоянка Итколь III

Кроме курганов на этой же площадке был выявлен культурный слой, содержащий артефакты сразу нескольких археологических культур. На восточном краю могильника, возле обрыва к протоке, находится небольшая ложбинка, хорошо защищённая от господствующих здесь северных ветров (рис. 2). В этой ложбинке погребальные памятники отсутствуют, зато в её нижней части удалось выявить следы пребывания древнего человека. На сегодняшний день, здесь вскрыто 172 кв. м площади. Наиболее массово представлены материалы двух культур: афанасьевской и окуневской. Однако эпизодически встречаются фрагменты керамики карасукской и тагарской эпох.

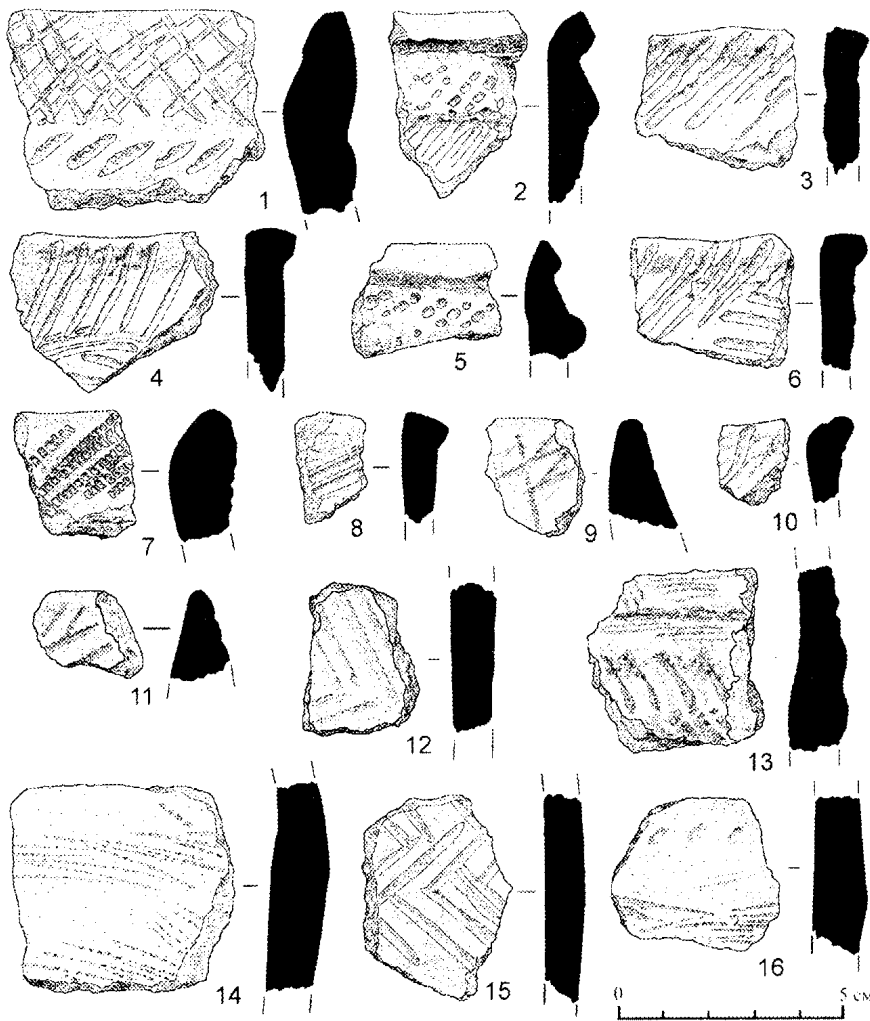

Рис. 10. Фрагменты керамики афанасьевской культуры из материалов стоянки Итколь III

удаётся однозначно связать с конкретной археологической культурой. Можно только отметить, что наиболее близки по конструкции к известным образцам афанасьевского времени очаги №1 и 2 (Грязнов М.П., 1999, с. 49). Они представляют собой овалы, выложенные из среднего размера блоков. Подобная конструкция необходима, чтобы накапливать в очаге толстый слой золы, в которую устанавливаются остродонные или круглодонные сосуды. Кроме очагов, на вскрытой площади не обнаружено никаких следов других конструкций, хозяйственных или столбовых ям.

Выше располагается слой переотложенной бурой супеси толщиной примерно 0,2 м, содержащий в перемещённом состоянии артефакты всех четырёх культур. Наиболее вероятно, что он сформировался в результате «смы-

вания» дождевыми и тальми водами части основного культурного слоя с выше лежащих склонов.

К афанасьевскому времени на стоянке Итколь III уверенно можно отнести только фрагменты от нескольких десятков сосудов (рис. 10). Это весьма характерная керамика, отличающаяся невысокой плотностью теста и низкотемпературным обжигом. По всей поверхности они несут следы «затёртости», что позволяет легко их идентифицировать. Преобладает орнамент в виде вертикального зигзага,

всего на вскрытой площади обнаружено семь очагов различных конструкций. Однако ни один из них не

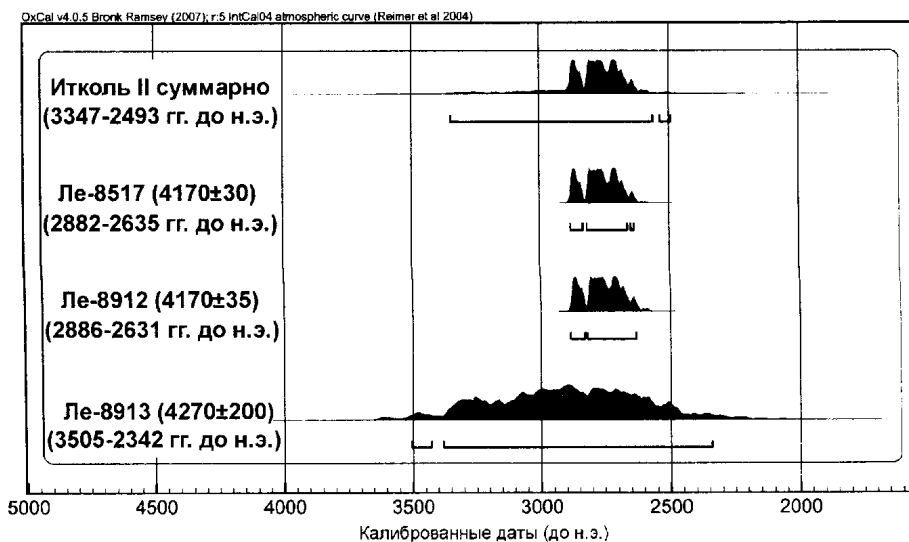

Рис. 11. Суммарная радиоуглеродная дата могильника Итколь II

полученного оттисками гладкого штампа. Зубчатый штамп выполнен шаганием с прокатыванием (качалка). Орнамент, как правило, покрывает все тулово сосуда. В одном случае зафиксирован развал крупного сосуда афанасьевской культуры.

Сопоставление с довольно однотипной керамикой из погребений могильника Итколь II, позволяет выявить заметно более широкий диапазон профилей венчиков и орнаментальных композиций. Среди материалов поселения есть фрагменты, которые совершенно идентичны с описанной выше композиционной схемой, однако они составляют явное меньшинство (рис. 10-1). Чаше встречаются фрагменты, которые имеют особые признаки, пока не обнаруженные на сосудах из могил. Возможно, это связано с тем, что исследована только часть курганов могильника, и впоследствии эта лагуна будет восполнена.

Хронология

На сегодняшний день для афанасьевских погребений могильника Итколь II получены три радиоуглеродные даты (рис. 11–12). Все они сделаны в Лаборатории археологических технологий ИИМК РАН (к.х.н. Г.И. Зайцева). Для поселения Итколь III таких определений пока не делалось, так как невозможно отобрать образец, который удалось бы уверенно связать с конкретной археологической культурой.

Ле-8517 (4170±30) – Могильник Итколь II курган 27, могила 1. Материал образца – дерево. Были собраны отдельные щепки, сохранившиеся от деревянного перекрытия могилы.

Ле-8912 (4170±35) – Могильник Итколь II курган 23, могила 1. Материал образца – дерево. Были собраны отдельные щепки, сохранившиеся от деревянного перекрытия могилы.

Ле-8913 (4270±200) – Могильник Итколь II курган 23, могила 1. Материал образца – кость человека. Для получения даты были использованы фрагменты длинных костей погребённого из данной могилы.

Обращает на себя внимание практически полная идентичность дат, полученных на основании фрагментов перекрытия разных могил (Ле-8517 и Ле-8912). Это значительно увеличивает ценность результатов и свидетельствует о справедливости этих дат. К сожалению, третья дата, полученная на основании костей человека, имеет слишком широкие границы, и её привлечение для определения хронологии памятника не оправдано.

Даты были прокалиброваны с использованием программы OxCal 4.0.2 и калибровочной кривой IntCal04. В результате суммарного анализа двух дат (Ле-8517 и Ле-8912) получен хронологический отрезок – 2884–2633 гг. до н.э. Столь значительная его протяжённость (более 240 лет) связана с тем, что даты попали на локальное «пла-

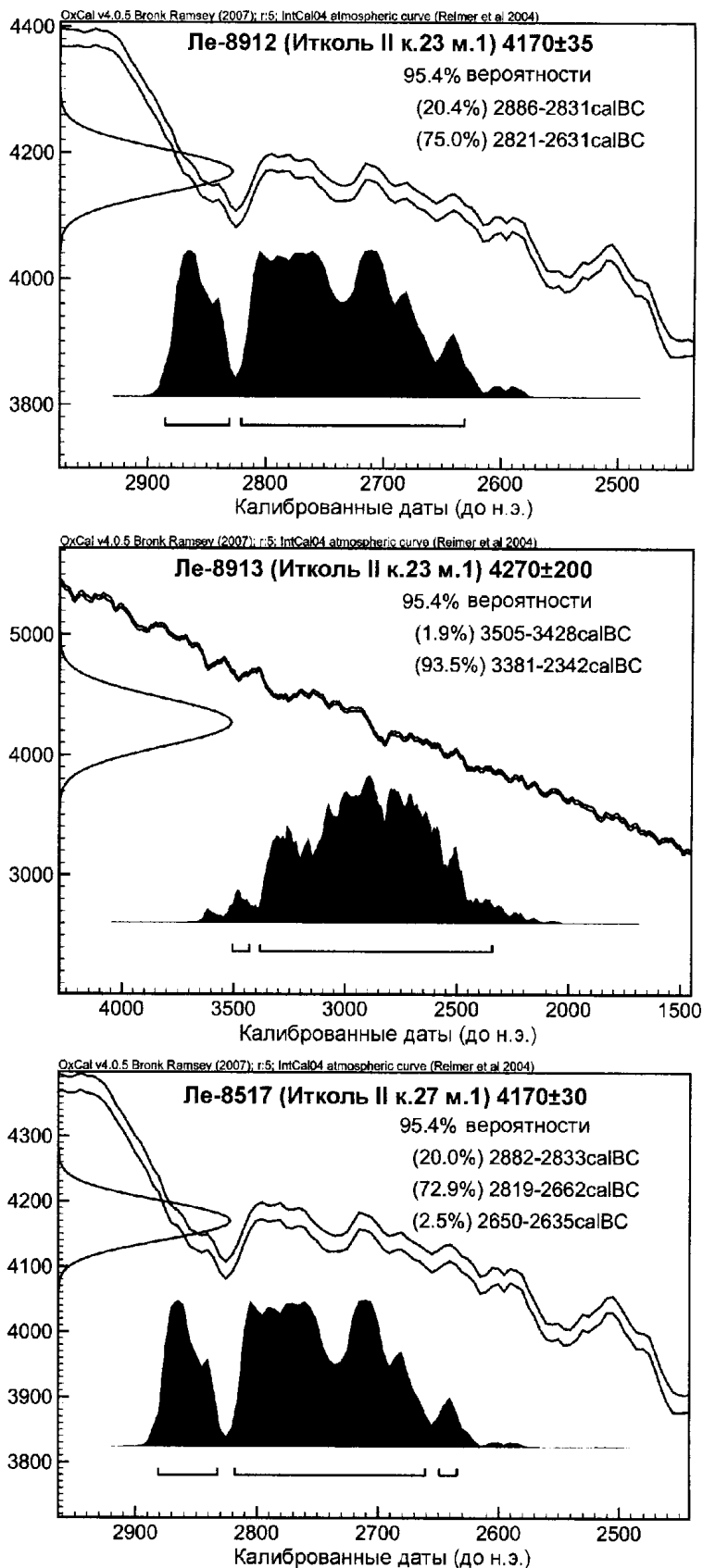

Рис. 12. Радиоуглеродные даты могильника Итколь II

то» на калибровочной кривой. Очень близкие хронологические границы радиоуглеродных дат имеет большинство других могильников афанасьевской культуры (см. статью А.В. Полякова в этом сборнике). Скорее всего, этот памятник располагается на хронологической шкале ближе к финалу афанасьевской эпохи.

Заключение

Могильник Итколь II является одним из характерных памятников афанасьевской культуры мало выделяющимся на общем фоне. Наиболее ярким явлением следует считать обкладки деревянных сосудов, которые обладают целым набором крайне интересных признаков. Эти артефакты заслуживают подробного самостоятельного исследования, выходящего за рамки данной работы.

Значительный интерес вызывает стоянка Итколь III. На сегодняшний день в Минусинских котловинах число раскопанных поселенческих памятников афанасьевской культуры минимально и любые новые данные играют крайне важную роль. Можно отметить, что вновь, как и в случае с поселением Тепсей X, не удалось обнаружить следов жилищных конструкций. Только небольшие очаги, крайне редкий каменный инвентарь и кости домашних животных. Можно согласиться с предположением, выдвинутым в ходе полевых исследований И.П. Лазаретовым, что выявленная стоянка непосредственно связана с могильником. Возможно, это было место временного проживания строителей курганов, а в дальнейшем оно могло использоваться и теми людьми, которые приходили сюда для проведения поминальных обрядов.

А.В. Поляков

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Прежде чем приступать к анализу имеющихся в нашем распоряжении радиоуглеродных дат, необходимо чётко определить их значение для хронологии афанасьевской культуры. К сожалению, в большинстве научных работ приводятся абсолютные даты без какого-либо обоснования. Они перекочёвывают из публикации в публикацию не подкреплённые ничем, кроме авторитета автора. В то же время анализ литературы выявляет предельно простую картину. На сегодняшний день исследователями предложены только два обоснованных пути определения абсолютных дат афанасьевской культуры: синхронизация с ямной культурно-исторической общностью (КИО) и радиоуглеродное датирование (Киселёв С.В., 1938, с. 228–229; Вадецкая Э.Б., 1981а, с. 62–63).

При этом первый путь имеет много «подводных камней», которые пока не позволяют использовать его в полной мере. Существующий территориальный разрыв между двумя ареалами памятников (более 2000 км), может предполагать и значительный хронологический сдвиг. Кроме того, в научной литературе представлены различные версии объясняющие природу их взаимодействия. Кроме традиционного тезиса о прямой миграции населения с запада на восток, сформировался и другой подход, предполагающий некоторый единый центр, в результате импульса из которого образовались как ямная, так и афанасьевская группы населения (Хлопин И.Н., 1969, с. 162–164; Кирюшин Ю.Ф., 1991; Степанова Н.Ф., 2008а, с. 351–354). Наблюдающиеся при этом параллели объясняются общностью происхождения. Однако при таком подходе нельзя исключать, что эти культуры сформировались в результате двух импульсов, отличающихся не только вектором, но и во времени. Но самая главная проблема заключается в абсолютных датах самой ямной КИО. На сегодняшний день, обоснованные определения возраста памятников ямной КИО сделаны только на основании того же радиоуглеродного метода (Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004а). Получается замкнутый круг. Двигаясь по пути синхронизации памятников афанасьевской культуры с ямными древностями, приходится вновь возвращаться к радиоуглеродному датированию.

Таким образом, пока в нашем распоряжении нет других способов определения абсолютных дат афанасьевской культуры, кроме радиоуглеродного метода. Как же получилось, что «традиционные» даты, представленные в литературе, заметно отличаются от современных результатов радиоуглеродного датирования? Первым вопрос об абсолютной хронологии афанасьевских памятников поставил С.В. Киселёв (1938, с. 228–229). На основании серии предметов («курильницы, цилиндрики, колотушки») он предложил считать их синхронными «ямно-катакомбным погребениям» и датировать III – началом II тыс. до н.э. (окуневская культура в этот момент ещё не была выделена). М.П. Грязнов в 1970-х гг. признавал, что: «Мы не располагаем пока ещё данными для непосредственной датировки памятников афанасьевской культуры в Минусинских степях. Указанное сходство их с памятниками ямной культуры позволяет лишь считать, что они синхронны ямной культуре, которую принято датировать второй половиной III тыс. до н.э. Отсюда и афанасьевскую культуру принято датировать тем же временем. Если дата ямной культуры будет изменена, соответственно, и дату афанасьевской культуры надо будет изменить» (Грязнов М.П., 1999, с. 54).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта РФГФ «Афанасьевская культура Горного Алтая и Среднего Енисея» №09-01-00384а.